
Е. Н. Эдельсон

«Отечественные записки» в 1850 году. (Учено-литературный журнал, издаваемый А. Краевским)

Отрывок

Мнение «Москвитянина» об «Отечественных» записках», прежних и последних, вообще выражено было несколько раз и очень ясно. Мы представим здесь их обозрение только за прошедший год, позволяя себе сделать несколько общих замечаний в заключении.

В 1850 году помещено было в «Отечественных записках» много оригинальных повестей; но много ли в самом деле выиграла здесь русская литература? — Пересмотрим их. «Коломенская роза» — роман из первых годов девятнадцатого столетия — В. Р. Зотова.

Зачем написан этот роман? Была ли у автора потребность высказать какую-нибудь задушевную, тревожившую его мысль, или родились ли в его душе живые образы, просившиеся неотступно на свет? Ничуть не бывало. — Роман написан потому, что так очень легко писать; что автор владеет языком, способностью (правда не хитрою) выдумывать оригиналов — вроде Сижова, доктора Гржны и т. д., — наконец потому, что есть многочисленный класс людей, готовый читать в свободное время что угодно, лишь бы описывались какие-нибудь происшествия. Соображая все это, не мудрено поверить, что автор действительно исполнит свое новое предприятие — и подарит русской публике небывалый по величине роман «Старый дом», которого один пролог занял две книги «Отечественных записок» прошлого года. Что ж? — Читатели, конечно, найдутся, — а больше чего же надо нам в промышленный век?

Вот другая повесть: «Черный гость» — Бернета. Но это уже, собственно говоря, анекдот, и анекдот в самом деле любопытный, хотя и неправдоподобный. — К г-ну Росникову ночью врывается маска и зовет его в маскарад. Росников соглашается. Там с ним происходят различные истории, и наконец, в чужой шубе, карете и с чужой женой он уезжает в чужой дом. Принужденный бежать оттуда, он выходит уже в своей шубе, в своей шляпе и калошах. Это, на первый раз, очень странное обстоятельство весьма, впрочем, удачно объясняется в повести. —

Другая повесть: Бернета «Не судите по наружности». — Но пусть читатель сам судит о ее достоинствах по следующим двум отрывкам. Герой повести, повытчик какого-то степного уездного города, говорит с графом:

— Здравствуйте! — сказал граф, подступая ко мне. — Вы... повытчик?

— Повытчик, ваше сиятельство.

— У, да какой вы гигант!

— Перед вашим сиятельством я всегда маленький человек.

— Ну, нет... разве только в некоторых случаях и отношениях. Я думаю, в вас вершков двенадцать?

— Ваше сиятельство двумя вершками изволили повысить.

— Стало быть, десять. И этого слишком много. Славный рост, молодецкий рост! Впрочем, извините. А как вас звать?

- Не извольте, ваше сиятельство, об этом беспокоиться; я и без зова буду навещать вас.
- Не то: я желаю знать ваше имя, отчество и фамилию.
- Дедушка мой, Илларион Пандион, нарек своего единственного сына Родионом, а сын его Родион Пандион назвал единственного внука моего дедушки Илларионом.
- Стало быть, вы — Родион Илларионович?
- Нет, ваше сиятельство, Илларион Родионович Пандион!
- Так, так. Но обратимся теперь к делу. Мне, господин повыхчик, говорили, что у вас прекрасная рука.
- Нельзя сказать, — отвечал я простодушно, — И, подняв левую свою руку, растопырил ее пальцы, как грабли.
- Экая огромная ручища! — произнес граф, улыбаясь. — Да какая же она черная!
- Все оттого, ваше сиятельство, что я не прячу ее в лайковый футляр.
- То есть вы не употребляете перчаток; что же вы на руках-то носите, калоши, что ли?

Не правда ли, что это остроумно? И вот как рассуждает тот же герой один на свободе:

Плачь, бедная женщина, плачь! Для тебя уже невозможно на земле полное, безмятежное, цветущее счастье! Никто уже тебя не подарит им, ничья сила не переменит прошедшего! И если когда-нибудь великодушная, мужественная любовь подаст тебе вечно неизменную руку — все же по светлому небу вешнего вашего праздника станут пробегать темные облака мертвящих воспоминаний; все же в вашем неразрывном союзе будет, с одной стороны, ничем неоплатная жертва, с другой — робкая, сознающая свое бессилие благодарность; все же гармония взаимных ваших отношений отзовется не торжественным, радостным гимном увенчанной добродетели и невинности, а только тихой, унылой мелодией прекрасных сердец, испукавших одно другое!

По поводу этой повести мы слышали одно очень дельное мнение, — что в произведениях такого рода нужно искать не эстетического, а психологического интереса — именно постараться воссоздать для поучения публики те странные душевные процессы, какими оно создавалось в душе автора. Но как ни любопытен бы был разбор такого рода, мы не чувствуем себя в силах взяться за него.

К числу странных и неразгаданных произведений принадлежит также «Портрет» — фантастический рассказ Т. Ч., автора, впрочем, с талантом. Очевидно, повредило художественности этой повести какое-то странное направление и сделало этот фантастический рассказ совершенно непонятным. Это какой-то бред, после которого кружится голова, и больше ничего. А между тем нельзя не сознаться, что и в этом бреде виден талант.

Повесть Чернова «Двойник» нельзя пропустить без внимания. Автор ее без сомнения человек умный и чувствующий. Предмет, выбранный им для повести, не лишен живого современного интереса. Но что касается до формы, едва ли она идет к внутреннему содержанию его рассказа. Мы очень далеки от мысли упрекать кого бы то ни было за избранную им форму. Собственно говоря, нет формы, которая бы не годилась вообще; но, когда произведение лежит пред нами уже готовое, мы имеем полное право судить об удачном или неудачном выборе формы и предполагать, что та же самая мысль стала бы яснее и сильнее, будучи выражена иначе. Судите сами, к чему придан фантастический колорит следующему весьма простому делу: молодой человек решается на крутой перелом в своей жизни; он хочет бросить свою прежнюю беззаботность, расстаться с юношескими благородными, но, по его мнению, неприменимыми к практической жизни стремлениями и идти по новому пути, где в будущем ему видятся положения в обществе, удобства жизни, — хороший стол и т. д., — одним словом, все прочные, не мечтательные наслаждения. В пользу своего обдуманного решения он успел уже принести жертву — это Верочка, бедная девушка, страстно его любящая. Он бросил ее потому, — как сам говорит, — «что она не имела никакого воспитания, что она не могла следовать

за ним в ту сферу жизни, куда влекли его сильные желания и страсти, проснувшиеся с годами». Идя последовательно, он женится на скромной девушке из хорошего семейства, берет выгодное место, нанимает хорошую квартиру; но скоро оказывается, что для достижения новой выбранной им цели недостает ни жениного приданого, ни жалованья, получаемого с выгодного места; а между тем он уже слишком затянулся: новое положение в свете, новые связи имеют свои требования, для выполнения которых нужны деньги. Где взять их? — Остаются так называемые неблагородные средства. Герой наш останавливается на минуту перед этим пожертвованием; но ему нет ниоткуда поддержки. Тесть и теща прямо намекают ему на эти неблагородные средства; жене тоже хочется непременно дачи. Тогда он падает окончательно. — Конечно, вся эта постепенная борьба может быть не лишена драматического интереса; но вы все-таки видите, что это самая пошлая, обыкновенная история. Человек с художественною способностью мог бы, конечно, и из этого предмета сделать хорошую повесть. Он вывел бы на сцену несколько живых, цельно задуманных лиц, взял бы для этого типы, представляемые современным обществом, в основание положил бы характер своего героя, и из естественного столкновения между собой этих лиц — стройно и последовательно проистекло бы то событие, которое взято г. Черновым за основу его повести. Но всего этого автор, по-видимому, не мог сделать, и потому он принужден был вывести на сцену двойника, что-то весьма темное, — доктора Морица; наконец, все это изложить в виде записок (способ, заметим, самый удобный для тех, кого не стает на создание характеров). Только посредством всех этих искусственных мер успел он достигнуть до того, что повесть читается с интересом, хотя каким-то лихорадочным. Что касается до достоинств повести, то мы уже сказали об них вначале. Достоинства эти принадлежат более лицу автора, проглядывающему во всей повести.

Граф Соллогуб поместил в «Отечественных записках» прошлого года два произведения: «Беда от нежного сердца», комедия-водевиль, и «Старушка» — повесть. О комедии-водевиле можно сказать разве только то, что, благодаря талантам актеров, она имела успех на петербургской и московской сценах. Что касается до художественного достоинства этой комедии, то, вероятно, и сам автор не приписывает ей в этом отношении большого значения. Особенно поражает в этом водевиле следующее обстоятельство: женские лица и отношения между ними писаны с явной претензией на правдоподобность и в самом деле намекают на нечто действительно существующее; тогда как сам герой решительно неправдоподобен, так что трудно себе представить, как может подобная вещь прийти в голову. Его же повесть «Старушка» может служить образцом уменья ловко и занимательно рассказывать вещи, сами по себе представляющие очень мало интереса. — Принадлежи эта повесть другому писателю, неизвестному еще или малоизвестному в нашей литературе, мы бы, конечно, похвалили ее за легкое и живое изложение, наконец, за похвальное желание выставить на показ этот тип старушек, эгоистических и бесчувственных ко всему, что только не равно им по происхождению. И этими достоинствами нельзя пренебрегать в писателях; но мы имели полное право ожидать от графа Соллогуба чего-нибудь поважнее. Поэтому пусть не прогневаается он, если мы напомним ему, что писатель, заинтересовавший публику своим талантом и дорожащий мнением читателей, должен быть строг к самому себе в выборе пьес для печатания. — Знакомые уже давно с произведениями гр. Соллогуба и его умением писать мы вполне уверены, что ему ничего не стоит написать и еще несколько рассказов вроде «Старушки»; но печатать такие повести значит разминивать свой талант и ради легкости уклоняться от своей настоящей дороги, указанной талантом, но, конечно, требующей более труда и внимания.

«Тени прошлого» — повесть Т. Ч., читается с большим удовольствием: в ней нравится и оригинальность формы, и мысль, ловко проведенная чрез весь рассказ. Мы познакомимся с ее содержанием: герой ее, Сергей Сергеевич Березов, один из тех пустых людей, которых, под именем разочарованных, выводят с такою охотою в своих повестях наши писатели. Можно бы было заметить, что пора уже бросить это до крайности истертое и отчасти ходульное лицо и обратиться к типам, представляемым действительною современною жизнью; но делать нечего — автору угодно было избрать его в герои, а потому скажем несколько слов об его характере. — Сколько можно понять из не совсем полной отделки этого лица, автор хотел представить человека довольно холодного, пустого, преимущественно бесхарактерного, но не глупого и оттого скучающего в бездействии. Отличительная черта его состоит в эгоизме — в постоянных заботах о своей личности, доведенных до такой степени, что он никак не умеет жить в настоящем, боится всякого решительного поступка, всякого увлечения, опасаясь связать себя чем бы то ни было и дорожа какой-то фантастической свободой. — Эта последняя черта очень ловко подмечена автором в современном обществе. — Впрочем, на нем останавливаться долго незачем: не художественность характеров составляет достоинство этой повести, а, если можно так выразиться, элемент лирический. Может быть, удивятся, если мы скажем, что «Тени прошлого» не повесть, а скорее лирическое произведение, — а между тем это так. В этом рассказе нет даже действия — это ряд картин, вызываемых Березовым из его прошлой жизни; ему, скучающему жизнью, являются по очереди все женщины, которых он любил или, лучше сказать, с которыми он вступал в какие-то странные отношения, несколько похожие на отношения любящих друг друга. Все эти картины прошлого возбуждают в душе его одну и ту же тоску, которая, наконец, разрешаясь в виде вопроса: «для чего вы сберегали себя, Сергей Сергеевич?» — очень эффектно заключает повесть. — Нам кажется, что такой сюжет годится как нельзя более для лирического стихотворения. Некоторые из теней очень милы и грациозны; так, например, создание Ольги сильно свидетельствует в пользу художественной способности автора: отношения их с Сергеем Сергеевичем разобраны подробно и верно. Чтобы дать ближайшее понятие о разбираемой повести, выпишем явление одной из первых теней; при всей своей краткости, она дает понятие и о характере Березова, и о роде таланта автора:

И третья картина возникла пред его мысленным взором. Такие же сумерки стелятся по красивой гостиной; карета стоит у крыльца; черноволосая женщина выходит навстречу девятнадцатилетнему Сержу с театральной афишей и перчатками в одной руке и с выдвижным лорнетом в другой.

— Я пришел проститься, — сказал Серж.

— А! — и лорнет вместе с афишей поспешно положен на стол, перчатки упали. — Вы едете?.. Надолго?

— Служить еду.

— Значит, надолго, навсегда?.. Садитесь!

Они сели.

— Мне лучше уйти, — говорит Серж. — Вы едете в театр. Я вам помешал.

— Вы едете навсегда и так спешите меня оставить.

Замолчали.

— Прощайте, — сказал он через минуту, поднимаясь.

— Постойте!

Он опять сел.

— У вас нет знакомых в Петербурге? — спросил он с замешательством, не зная, что говорить.

— Есть, да бог с ними! — отвечает она с досадой.

— Право, я вам помешал; вы сердитесь.

— Ничуть, я не поеду в театр.

— Что же вы так? Я лучше уйду...

Она слегка пожала плечами.

— Сергей Сергеевич, послушайте...

— Что прикажете?

Он обернулся с этим вопросом; она замолчала. Оба были в нерешимости.

— Прощайте, — сказал он, вставая снова.

Он подошел поцеловать ее руку.

— Прощайте... Она удержала его за руку, заставила взглянуть себе прямо в глаза. «Прощайте... Серж!..» — прибавила она тихо, ласкающим, нежным голосом.

Он поцеловал у ней руку с некоторым смущением.

— Ne m'oubliez pas complètement¹, — сказала она, очаровательно улыбаясь побледневшими губами.

Он был почти уже за дверью, но оглянулся, хотел что-то сказать, произнес только jamais² и хлопнул дверь за собой очень сильно... отворил снова, извинился, что так стукнул. Она рассмеялась.

— Останьтесь еще хоть на минуту, — сказала она непринужденно.

— Нет, право, вам пора в театр.

Глаза ее увлажнились, когда дверь затворилась вторично, что-то странное сжало ее сердце и вырвалось неестественным смехом.

— Ребенок! — проговорила она, укусив до крови свои полные, свежие губы.

И, боже мой! сколько было обманутого чувства в этом злом слове: «ребенок»!

Тут Бруско порывистым движением толкнул Березова и заставил его открыть глаза. Картина исчезла; вместе с нею исчез девятнадцатилетний Серж. На зеленой кушетке сидел утомленный каждодневной предзакатной порой Березов.

Г. Тургенев поместил в «Отечественных записках» одну повесть — «Дневник лишнего человека». Оригинальное дарование этого писателя и заслуженный успех прежних его произведений, в особенности «Записок охотника», заставляют нас остановиться со вниманием и на новом его произведении. Прежде всего в «Дневнике лишнего человека» поражает нас то обстоятельство, что лицо, выводимое автором в настоящей повести, уже не новость не только вообще в нашей литературе, но и в произведениях того же автора. Мы уже познакомились с этим типом в «Гамлете Щигровского уезда», и, сколько нам кажется, познакомились полнее и короче. — И там нас остановило стремление г. Тургенева представить в одном лице современное болезненное развитие в крайней степени, и здесь то же самое направление выразилось еще в большей мере; но там некоторая уродливость героя спасалась, по крайней мере, комическим направлением рассказа; здесь же, когда автор, очевидно, старается возбудить участие к своему герою, как-то тяжело и неприятно видеть вместо живого лица крайнее олицетворение современного недостатка, встречаемого во многих людях. — Все, что мы сказали до сих пор, относится не столько к Тургеневу, сколько вообще к не совсем художественному направлению — представлять в одном лице какую-нибудь черту, развитую до последней крайности. Обыкновенно при этом жертвуется целостию лица ради вмещения в него сколько можно большего числа подмеченных в самом себе и в других черт. В отношении наблюдательности г. Тургенев явился таким же художником в «Дневнике лишнего человека», как и в своих прежних произведениях. Есть черты, до того верно подмеченные, до того глубоко выхваченные из души, что вдруг припоминаешь нечто подобное и в своей собственной душе, и во множестве других людей. Нещадным анализом автор преследует часто какое-нибудь душевное движение до последней глубины и мелочности, поражая вас своим знанием человека. Только когда уже прочтете весь «Дневник», заметите, что из всех черт, доставлявших вам наслаждение своею верностью, не слагается одного живого образа и произведению

¹ Не забывайте меня насовсем (франц.).

² Никогда (франц.).

недостает той оконченности и замкнутости, которая есть главное достоинство произведений вполне художественных.

С особенным удовольствием останавливаемся мы на повести «Анна Михайловна», которой автор г-жа Крестовская является, кажется, в первый раз в русской литературе. Мы были готовы были сказать о ней, что она подает большие надежды, но, во-первых, эта фраза очень избита, во-вторых, нам как-то не счастливится на надежды; лучше удержаться до времени от каких-либо суждений о таланте автора и ограничиться разбором его первого произведения. Достоинство повести заключается в меткой наблюдательности, ловком изложении, умении поставить и свести действующие лица. Когда читаешь его повесть, провинциальная жизнь со всеми ее мелочами, дрязгами, стремлением задавить всякую личность, всякое мнение, выходящее хоть сколько-нибудь за черту обыкновенного — все это несется, как будто живое, перед глазами. Но несмотря на то или, лучше сказать, потому именно, что выведено очень много различных лиц, все они рисуют больше самую жизнь провинциальную, оставаясь сами в каком-то полусвете, в неясных очертках. Вообще автору можно заметить, что он напрасно не сосредоточил своего внимания на нескольких лицах, которые оттого вышли бы полнее и оригинальнее, между тем как теперь, когда их столько на сцене, все они вышли очень похожими друг на друга, или, по крайней мере, различие между ними так невелико, что забывается тотчас после прочтения; конечно, это не применяется к двум главным действующим в повести лицам — Анна Михайловна и Окольский очерчены гораздо полнее; они могли бы даже назваться вполне художественными лицами, если бы не было так заметно желания автора представить Анну Михайловну слишком прекрасною женщиною, отчего она выходит какою-то героиней, а Окольского, в противоположность, слишком пустым и дурным человеком. Эта задняя мысль повела автора к нескольким несообразностям, по крайней мере, заставила его ввести в характеры того и другого такие черты, которые мешают им быть вполне живыми и верными природе лицами. Все эти маленькие недостатки вполне вознаграждаются, по нашему мнению, умением автора описывать провинциальные сцены: хороших сцен в этой повести так много, что мы решительно затрудняемся, какую из них представить нашим читателям для образца...

Для полноты обзора изящно-литературных произведений остается сказать о повести г. Григоровича «Неудача». Вообще мы признаём в авторе довольно большой талант и потому были не совсем приятно поражены появлением этой повести, бесспорно уступающей всем предшествовавшим произведениям г. Григоровича. Вся повесть держится на драматическом положении человека преданного живописи и в высокой степени способного к ней, но которого семейные обстоятельства принуждают бросить любимое занятие, расстаться со всеми мечтами о будущей славе и сделаться чиновником в каком-то уездном городке. Конечно, все подобные случаи печальны и производят на душу сильное впечатление, которое многими принимается за эстетическое наслаждение и ставится в заслугу автору. Но мало ли есть в самой жизни внешних обстоятельств, которые бывают причиною несчастий людей на целую жизнь? Рассказ о всех подобных бедствиях, конечно, произвел бы такое же сильное впечатление, но ведь это уже переходит в анекдоты печального содержания, которые годятся только для того, чтобы доставить случай поплакать охотникам до слез и позадуматься над тем, какие горестные бывают в жизни случаи. Пишет же г. Григорович такие прекрасные вещи, как «Четыре времени года», и мы бы посоветовали ему преимущественно остановиться на этом роде, к которому он имеет очевидное призвание; притом идиллическая форма так идет к воспроизведению нашего простонародного быта.

Еще несколько слов, прежде нежели перейдем к другим отделам журнала... Может быть, некоторым покажется слишком строгим и придирчивым суждение

наше о некоторых произведениях, не лишенных ни занимательности, ни живости изложения, и в которых, однако, мы все-таки нашли очень мало достоинства. Все это происходит от точки зрения, с которой мы смотрим на произведения изящной литературы. Говорить подробно о нашей точке зрения, то есть о наших требованиях от изящных произведений словесности, было бы здесь неуместно; в существенных же чертах эти требования, конечно, объяснились из суждений наших о разобранных повестях и романах. Мы нисколько не думали быть новыми и оригинальными во взгляде на изящную словесность; требования наши от нее суть, конечно, требования и многих других критиков; мы решились только остаться верными себе и ценить все произведения со стороны их чисто-художественного достоинства, не увлекаясь никакими посторонними искусствау достоинствами; оттого-то, конечно, оказалось так мало произведений замечательных.

<...>

Перейдем к отделу критики.

Одна из самых замечательных статей в этом отделе есть, без сомнения, критика Ф. Буслаева на «Мысли об истории русского языка» Срезневского. Оценив по заслугам сочинение г. Срезневского, автор критики решает, кроме того, главнейшие вопросы, касающиеся истории русского языка; эти вопросы приводятся, по его мнению, к следующим: в каком отношении стоит история языка к современному его состоянию? Необходимо ли историческое изучение языка для теории и слога современного? Соответствует ли историческое развитие языка успехам умственной и положительной жизни народа? Наконец, в какой связи состоит история языка русского с сравнительною грамматикою языков индоевропейских? Решая эти вопросы, интересные в высшей степени, как, конечно, заметил читатель, Ф. Буслаев обнаруживает свое глубокое филологическое образование, и, скромно уверяя в начале статьи, что читатель найдет в ней только более подробные объяснения тех кратких мыслей и намеков, которыми так искусно умел заинтересовать их автор «Мыслей», он высказывает в самом деле много нового и оригинального. Вообще статья эта принадлежит к числу тех, которых нельзя не прочесть человеку, не равнодушно к успехам науки. Новость предмета и в особенности существующая у нас шаткость понятий о нем придают статье еще более веса.

Нельзя не обратить также внимания на статью о «Стихотворениях» Фета. Разбирая подробно каждый из отделов собрания стихотворений А. Фета, автор высказывает много дельного о каждом из родов стихотворений. Близкое знакомство с иностранной литературой, в особенности немецкой, дает ему случай делать часто удачные сближения с поэтами немецкими и чрез подобные сравнения уяснить ближе род таланта нашего отечественного писателя. Вообще вся статья написана живым и увлекательным слогом и дает полное понятие о поэтической деятельности г. Фета.

Б. Ордынского «Новые стихотворения Жуковского. Том 14, Одиссея — XIII и XIV песни». Это — продолжение статьи, напечатанной в прошлом году. Автор доказывает, что к переводу новых песен вполне прилагается мнение, высказанное им прежде о первых песнях. После автор рассуждает о многосторонних трудностях передачи Гомера на русский язык, и наконец, предлагает образцы собственного перевода. Этот перевод не дурен и очень близок к подлиннику, но производит, как мы уже сказали, странное впечатление своею пестротой.

Нельзя не упомянуть также о разборе «Сочинений Княжнина», в котором мы видим начало большого предприятия разобрать сочинения всех русских писателей по мере того, как они будут выходить в свет. Надеемся, что не ошибемся в наших ожиданиях. Настоящая статья доказывает, что эпитет «переимчивый», который Пушкин придал Княжнину, есть характеристический для этого последнего.

Кроме того, в «Отечественных записках» был разобран подробно и с большим знанием дела замечательный труд Мурчисона и других, вышедший в прошлом году в русском переводе под заглавием «Геологическое описание европейской России и хребта Уральского». Самое замечательное в этой критической статье есть изложение всех геологических трудов в России, предшествовавших путешествиям Мурчисона и других, откуда легко следует, что большая часть открытий, сделанных знаменитыми путешественниками, была подготовлена уже прежними исследованиями, что, впрочем, ясно видно из статьи г. профессора Щуровского, помещенной в «Москвитянине».

Отдел «Смеси» есть самый богатый в «Отечественных записках»; поэтому исчисление даже замечательнейших здесь статей заняло бы очень много места. Скажем только, что, кроме множества оригинальных и переводных статей, здесь помещенных, кроме известий о новых открытиях в области наук и замечательных событий, как в отечестве нашем, так и за границей, в «Смеси» «Отечественных записок» помещаются постепенно заметки о петербургских театрах. Иногда здесь же появляются статьи и о московском театре, большею частию дельные, которые показывают в авторе большую начитанность по части драматического искусства. Суждения о пьесах, их выполнении и заметки об артистах верны и, сколько нам известно, представляют собою выражения образованного большинства публики. В этот же, наконец, отдел входит музыкальная хроника, в которой особенно в прошлом году были прекрасные статьи об итальянской опере.

В «Отечественных записках» прошлого года были помещены в полных переводах три капитальные произведения иностранной литературы: Диккенса «Замогильные записки Пиквикского клуба», которые были, правда, переведены у нас и прежде, но в искаженном виде; Теккерея «Базар житейской суеты» и, наконец, Бульвера «Семейство Какстонов».

Впервые.: М. 1851. № 1. С. 129–145. Без подписи. Цензурное разрешение — 01.01.1851. Цензор Д. С. Ржевский.

Атрибутируется на основании данных архива М. П. Погодина, в составе которого имеется документ с подсчетом объема материалов, предоставленных разными авторами в «Москвитянине». В списке авторов № 1 за 1851 г. значится Эдельсон, напротив фамилии которого стоит цифра 17 — точное количество страниц, которое статья занимает в журнале (см. Приложение II, с. 570).

Е. Н. Эдельсон до появления «молодой редакции» в литературной жизни не участвовал. Выпускник Московского университета, он испытал сильное влияние лекций М. Н. Каткова. Видимо, не без влияния Каткова он серьезно занялся немецкой философией, причем, в отличие, например, от Ап. Григорьева, стремился изучать ее системно, уделяя выдающимся мыслителям прошлого не меньше внимания, чем современникам. Так, Эдельсон был едва ли не единственным русским критиком 1850-х гг., который серьезно учитывал в своих работах труды И. Канта (подробные конспекты Канта сохранились в фонде Эдельсона в РГАЛИ), а после создал образцовый перевод трактата Г. Э. Лессинга «Лаокоон, или О границах искусства». На фоне прочих членов «молодой редакции» Эдельсон отличался академическим стилем. В его статьях (Эдельсон обозревал «Отечественные записки»; прочие его статьи немногочисленны, однако носят программный характер) обращают на себя внимание очень корректный тон и стремление к логическому изложению. «Эстетическая критика» Эдельсона обычно строится как развертывание логического тезиса, подтверждающего взгляд автора на современную литературу (см. подробнее: *Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов*. М., 1991. С. 264–302). Как отметил автор его некролога (вероятно, Н. С. Лесков), «люди его собственной партии часто упрекали за слишком мягкий, “слишком нерешительный” будто бы тон его статей» (*Лесков Н. С. Полн. собр. соч.*: В 30 т. М., 1998. Т. 5. С. 685). Как и Островский и Ап. Григорьев, он поддерживал «Москвитянин» до конца и, видимо, до конца жизни чувствовал себя членом «молодой редакции». После смерти Ап. Григорьева Эдельсон говорил: «Меня уж для антика можно бы оставить доживать: я ведь уж в некотором роде последний из могикиан» (Там же. С. 686).

Продолжение статьи: «Отечественные записки». 1850 г. Декабрь (*Дополнение к статье, помещенной в 1-й книге*) // М. 1851. № 4. С. 581–586. Значительная часть статьи посвящена разбору повести Н. Д. Хвощинской «Сельский учитель».

Обзор «Отечественных записок» за 1850 г. — первый в череде регулярных обзоров русской журналистики, появившихся в «Москвитянине» в 1851 г. Аналогичную статью о «Современнике», выполненную Григорьевым и опублик. в № 2 «Москвитянина», предваряло редакторское примеч., в котором объяснялось появление нового вида материалов в журнале: «“Москвитянин” удерживался от разбора журналов, но в последнее время книг вышло очень мало и журналы сделались как бы вместилищем всей литературы; поневоле должно говорить о них: иначе отделение критики пришлось бы, по крайней мере на текущее время, совершенно уничтожить. Чтоб сохранить возможное беспристрастие, редакция поручила разбор журналов молодым литераторам, принадлежащим к одному поколению с разбираемыми авторами. Второе требование редакции было — разбирать произведения *только с художественной стороны*» (М. 1851. № 2. С. 213). Последнее требование, как видно, распространялось и на материал Эдельсона. Поэтому первую и важнейшую часть статьи представляет собой разбор именно беллетристического отдела «Отечественных записок». Материалы прочих отделов перечисляются списком, в ряде случаев — с короткими критическим ремарками. В опущенном в настоящем томе фрагменте упомянуты следующие работы из второго отдела «Отечественных записок» («Науки и искусства») за 1850 г.: «Записки» А. Т. Болотова (№ 4–10); статьи А. Н. Афанасьева «Исследования начал торгового законодательства Петра Великого» (№ 1), «Историческое развитие вопросов о призрении в России» (№ 10); «Об археологическом значении “Домостроя”» (№ 7); статьи Б. И. Ордынского «Аристофан» (статьи 2, 3 — № 6, 12; статья 1 опубликована: ОЗ. 1849. № 1); «Греческие женщины» (№ 1), «Внешняя обстановка домашней жизни древнего грека. (Костюм — Дом — Мебель)» (№ 11); статья

С. М. Соловьева «О влиянии природы русской государственной области на ее историю» (№ 4); статья неизвестного автора (подпись: И. А.) «Система государственных займов в Европе» (№ 3); статья М. С. Хотинского «Современные астрономические открытия» (№ 2); статья П. Е. Басистова «Об историческом значении Платонова "Симпосиона"» (№ 9), статья В. П. Боткина «Об эстетическом значении новой фортепьянной школы» (№ 1), анонимная статья «Наивная и сентиментальная поэзия (из Шиллера)» (№ 2, 3).

Произведения современной литературы Эдельсон оценивает на основании строгого критерия «художественности». Требования, предъявляемые здесь Эдельсоном к «художественной» литературе, лучше понятны в свете рассуждений о «естественности», изложенных в этом же, 1851 г. в обзоре №№ 8 и 9 «Отечественных записок» (М. 1851. № 19–20. С. 632–638). Заявленная задача этого рассуждения — «сказать несколько серьезных слов» о только что завершившемся романе Зотова «Старый дом» «для уяснения значения и достоинств подобных романов вообще» (Там же. С. 633). Главное требование к современной художественной литературе, в котором, по мнению Эдельсона, более или менее сходятся все критики, это требование естественности. Ряд критиков понимают под естественностью верность действительности и на этом основании отвергают в литературе все чудесное и фантастическое. «По другому пониманию, естественность состоит в верности характеров, то есть в том, чтобы действия одного и того же лица не противоречили друг другу» (Там же. С. 634). «Есть и такие, которые смешивают естественность с умеренностью и называют неестественными все душевные движения, которые выходят из уровня обыкновенно встречаемых характеров или лежат вне собственной опытности критика» (Там же). Все эти понимания естественности представляются Эдельсону односторонними. «В существенных чертах» естественность — это такое свойство литературных произведений, «по которому они представляются как бы действительностью. Это значит, что лица, в них выведенные, кажутся нам живыми и индивидуальными, события правдивыми и верно обставленными, одним словом, ни на минуту не замечаем ни выдумки, ни произвола, но присутствуем при настоящем, в самом деле совершающемся действии» (Там же). Для достижения естественности «не достаточно ни ума, ни житейской опытности, ни даже психологического знания человека — и только одному истинному таланту дано побеждать без усилий эти трудности, которых он даже не замечает, но которые однако ясны нам, когда мы анализируем деятельность таланта, и представляются действительными, непобедимыми трудностями, когда вздумашь посторонними средствами добиться тех же результатов» (Там же. С. 635). Важный тезис Эдельсона заключается в том, что наличие других достоинств в произведении не извиняет отсутствия естественности. Ничего не остается от «образа, который вызван к действительности бездной разнородных соображений, случайных прихотей автора и другими причинами, на которые не остается никаких указаний в самом образе» (Там же. С. 637).

С. 61. Мнение «Москвитянина» ~ несколько раз и очень ясно. — Видимо, имеется в виду полемика Шевырева и др. сотрудников «Москвитянина» с «Отечественными записками» времен участия в них Белинского и Герцена. Многие тезисы Шевырева были переосмыслены и использованы в статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (см. наст. изд.).

С. 61. «Коломенская роза»... — Речь идет о сочинении В. Р. Зотова «Коломенская роза: Роман из первых годов девятнадцатого столетия» (ОЗ. 1850. № 1–2). Автор романа Владимир Рафаилович Зотов (1821–1896) — второстепенный литератор и журналист. Отношение критики «молодой редакции» к Зотову пренебрежительное. Упомянутый далее роман Зотова «Старый дом» сопоставляется Григорьевым с длинными романами Некрасова и Панаевой «Три страны света» и «Мертвое озеро», художественное значение которых отрицалось критиком (см.: М. 1851. № 17. С. 162). По поводу «Коломенской розы» А. В. Дружинин писал: «...должен ли хороший журнал ронять себя в глазах подписчиков, печатая во что бы то ни стало плохие повести, если хороших не найдется? Я думаю, что не должен, и на вопрос этот, сделанный по поводу помещенной в "Отечественных записках" "Коломенской розы" г. Зотова, могу отвечать, основываясь на том, что в "Отечественных" же "записках" и в "Современнике" давным-давно не печатается стихов по той простой причине, что ни в ту, ни в другую редакцию не поступает хороших стихотворений» (Дружинин. Т. 6. С. 263; первые: С. 1850. № 2).

С. 61. ...роман «Старый дом» ~ занял две книги «Отечественных записок» прошлого года. — Пролог «Старого дома» был опублик. в № 10 и 11 «Отечественных записок». Кроме того, в № 12 было напечатано начало первой части романа. Отзыв о «Старом доме» содержится в обзоре № 4 «Отечественных записок» 1851 г.: «Оставляя шутливый тон, который неволью овладел нами по случаю этого бесконечного романа, мы все-таки не можем не сказать, что длиннота "Старого дома" начинает оскорблять чувство приличия, между тем как было бы очень легко избежать ее, разбив роман на отдельные части и печатая их с перемежкой; он же и сам собою распадается на части,

представляющие иногда весьма различный интерес» (М. 1851. № 9–10. С. 204–205). По случаю прекращения романа Эдельсон в обзоре № 8 и 9 «Отечественных записок» за 1851 г. вновь обращается к роману Зотова, который оказывается здесь поводом для разговора о больших сериальных романах вообще. Недостатком этих романов является отсутствие «естественности» (этой эстетической категории в статье Эдельсона посвящен значительный по объему фрагмент) и «художественной идеи» (см.: М. 1851. № 19–20. С. 632–638).

С. 61. *Вот другая повесть: «Черный гость» ~ Другая повесть: Бернета «Не судите по наружности»* (ОЗ. 1850. № 7). Бернет — псевдоним Алексея Кирилловича Жуковского (1810–1864) — поэта, прозаика, удачно дебютировавшего в конце 1830-х, но в 1850-х годах оказавшегося чуждым новому поколению литераторов. Иронический отзыв на «наивную» повесть «Не судите по наружности» и пересказ ее содержания содержится в XVII «Письме о русской журналистике» (С. 1850. № 8. С. 315–318; автор неизв.).

С. 62. *По поводу этой повести мы слышали одно очень дельное мнение...* — Источником этого мнения послужил литературный анекдот о беседе Краевского и Достоевского. Краевский якобы назвал повесть «Двойник» не повестью, а «психологическим развитием». Достоевский же заметил в ответ, что это соображение заимствовано Краевским из сопроводительного письма, с которым собственно и была передана повесть. Этот разговор был изображен в карикатуре Н. А. Степанова, которая предназначалась для «Иллюстрированного альманаха», подготовленного редакцией «Современника» в 1848 г., но так и не увидевшего свет (см.: Балакин А. Ю. Об одном эпизоде «Униженных и оскорбленных» (Достоевский и А. А. Краевский) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 16. С. 320–324). Само словосочетание «психологическое развитие» в качестве обозначения жанра, видимо, до некоторой степени прижилось. Ср. в XIV письме Иногородного Подписчика (А. В. Дружинина) о «Дневнике лишнего человека» Тургенева: «Это одна из тех повестей, которые никогда не дочитываются до конца и о которых два-три любителя выражаются с глубокомысленным видом: “это, собственно, не повесть, а психологическое развитие”» (Дружинин. Т. 6. С. 335; впервые: С. 1850. № 5).

С. 62. ...«*Портрет*» — фантастический рассказ Т. Ч. ... — Речь идет о рассказе «Портрет. Фантастический рассказ» (ОЗ. 1850. № 10). Т. Ч. — псевдоним Анастасии Яковлевны Марченко (1830–?) — писательницы, дебютная книга которой «Путевые очерки» (1847) заслужила положительный отзыв В. Г. Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (1848; см.: Белинский. Т. 8. С. 405–406). Похожим образом «Портрет» был охарактеризован и А. В. Дружининым. Иронический пересказ содержания рассказа в обзоре русской журналистики завершается следующими словами: «...я мог бы вывернуться, сказав, что для фантастической повести необходим и разбор в фантастическом роде; но этого я не скажу. Я просто ничего не понял из нового произведения г-жи Т. Ч.; читать же его во второй раз было некогда. Одно сделалось для меня ясным, а именно, что автору повестей, в которых разные герои вертятся, секретничают, выходят замуж, болтают, хохочут и приносят сами себя в жертву, не следует братья за фантастический род произведений. Читателю же, любящему в точности изведывать, в чем состоит сюжет каждой прочитанной им повести, не советую братья за «Портрет» г-жи Т. Ч.: его изыскания не будут успешнее моих» (Дружинин. Т. 6. С. 394; впервые: С. 1850. № 11).

С. 62. *Повесть Чернова «Двойник»...* — Речь идет о повести «Двойник», вышедшей за подписью «Н. Чернов» (ОЗ. 1850. № 3). Чернов — псевдоним Николая Дмитриевича Ахшарумова (1820–1893) — романиста, критика. «Двойник» — первая повесть этого автора. Она упоминается в XIII письме Иногородного Подписчика (А. В. Дружинина): «Повесть как повесть, и, может быть, при конце она довольно занимательна» (Дружинин. Т. 6. С. 322; впервые: С. 1850. № 4).

С. 62. ...*нет формы, которая бы не годилась вообще ~ будучи выражена иначе.* — Похожая мысль о приемлемости любой формы при истинно художественном содержании содержится в рецензии А. Н. Островского на повесть А. Ф. Писемского «Тюфяк»: «Под какой бы формой ни явилось произведение, отвечающее подобным требованиям, оно будет художественное произведение, и прочие повести, романы и драмы, сколько бы они не отличались литературными и беллетристическими достоинствами, помимо этого условия не должны иметь претензии на такое титуло» (наст. изд., с. 78).

С. 63. ...«*Бедя от нежного сердца*», комедия-водевиль, и «*Старушка*» — повесть. — Имеются в виду комедия «Бедя от нежного сердца» (ОЗ. 1850. № 3) и повесть «Старушка» (ОЗ. 1850. № 4, 5) Владимира Александровича Соллогуба (1813–1882). Пренебрежительный отзыв о водевиле «Бедя от нежного сердца» содержится и в рецензии Григорьева на драматическую пословицу Соллогуба «Сотрудники»: «Нельзя не пожалеть, что даровитый автор книги “На сон грядущий” занимается в настоящее время сочинением шуток вроде “Беды от нежного сердца” и “Сотрудников”» (М. 1851. № 7. С. 386). В. А. Соллогуб воспринимался критиками «молодой редакции» во многом

как автор великосветских повестей и романов (см. в обзоре № 12 «Библиотеки для чтения» 1850 г.: «Ведь не первый же г. Дружинин сошел с Олимпа с великосветскими рассказами — до него еще знакомили нас с великосветскою жизнью и князь Одоевский, и граф Соллогуб — и мы понимали же как того, так и другого, читали с наслаждением и “Княжну Мими” первого, и лучшие из рассказов второго» — М. 1851. № 6. С. 259). Григорьев в статье «Русская литература в 1851 году» ставил Соллогуба ниже двух других писателей, имеющих какое-либо отношение к высшему свету, — Н. Ф. Павлова и В. Ф. Одоевского (см. наст. изд., с. 206).

С. 64. *«Тени прошлого» — повесть Т. Ч., читается с большим удовольствием... — Имеется в виду повесть «Тени прошлого» (ОЗ. 1850. № 5). Об авторе см. коммент. выше.*

С. 64. *...пора уже бросить ~ обратиться к типам, представляемым действительно современною жизнью... — Это требование будет затем повторено и развернуто в рассуждении Эдельсона о «естественности» (см. преамбулу): «Не так легко, как, может быть, думают некоторые, создать живые лица, не списывая их с каких-нибудь в самом деле существующих, поставить их в такие отношения между собою, в какое бы стали действительно эти лица, если бы они были живые, не вставить в числе часто многообразных оттенков характера этих выдуманных лиц ни одного такого, который бы противоречил общему типу (причем никакие внешние указания не могут поддержать автора), не допустить во множестве различных поступков опять-таки выдуманного лица ни одного такого, который бы не вытекал из общего представления об индивидуальности лица и не пояснял это последнее» (М. 1851. № 19–20. С. 632–638).*

С. 65. *Г. Тургенев поместил в «Отечественных записках» одну повесть — «Дневник лишнего человека». — Речь идет о повести «Дневник лишнего человека» (ОЗ. 1850. № 4).*

С. 65. *Мы уже познакомились с этим типом в «Гамлете Щигровского уезда»... — На связь характеров главных героев повестей Тургенева указывал позже Григорьев в статье «Русская изящная литература в 1852 году». Здесь же повторена идея о стремлении Тургенева выразить болезненное развитие современного человека: «Отчаяние бессильного трагизма может принимать и принимало уже в нашей литературе различные пути исхода. То ударялось оно в сухую, догматическую практическую в «Обыкновенной истории», но в этом иронически-тревожном состоянии ни могло удержаться; то закутывалось в плащ холодного идеализма в «Идеалисте» г. Станкевича; то находило минутное удовлетворение в болезненном хохоте над самим собою «Гамлета Щигровского уезда» или в тоскливом плаче о своем бессилии в «Дневнике обыкновенного человека»; но, кидаясь в эти различные дороги, трагизм забывал, что из ложного положения невозможно выйти, сохраняя один и тот же характер, сохраняя грандиозность, что, не посмеясь над самим собою, — идти вперед невозможно» (наст. изд., с. 294). Критика склонности Тургенева к изображению «болезненных» типов, впрочем, не была изобретением «молодой редакции» «Москвитянина». Так, Дружинин, причисливший «Дневник лишнего человека» к «самым слабым произведениям» Тургенева, отмечал, что публика «уже привыкла к психологическим развитиям, к рассказам “темных”, “праздных”, “лишних” людей, к запискам мечтателей и ипохондриков, мы так часто с разными, более или менее искусными нувеллистами, заглядывали в душу героев больных, робких, загнанных, огорченных, вялых, что наши потребности совершенно изменились» (Дружинин. Т. 6. С. 335; впервые: С. 1850. № 5). И далее: «Г. Тургенев, владея замечательною способностью к психологическому анализу, любит подмечать в каждом из своих героев стороны слабые, раздражительные, болезненные. Эта способность, употребленная в меру, позволила ему обрисовать прекрасный характер Вилицкого в “Холостяке” и очень эффектно проявилась в одном из “Рассказов охотника”, если не ошибаюсь, в “Гамлете Щигровского уезда”» (Там же. С. 335–336).*

С. 66. *...на повести «Анна Михайловна», которой автор 2-жа Крестовская является, кажется, в первый раз в русской литературе. — В журнальной публикации фамилия автора указана в мужском роде: В. Крестовский. Речь идет о повести «Анна Михайловна» (ОЗ. 1850. № 6). Очевидно, Эдельсону было известно, что под псевдонимом «В. Крестовский» скрывается Надежда Дмитриевна Хвощинская (1822/24–1889). Положительный отзыв Эдельсона, вероятно, связан с удавшейся автору попыткой, не останавливаясь на «личности», показать провинциальную жизнь в целом. «Анна Михайловна» — первое прозаическое произведение Хвощинской. Следующая повесть «Сельский учитель» была раскритикована Эдельсоном в «дополнении» к обзору «Отечественных записок» 1850 г.: «Автор, как кажется, незнаком с современными эстетическими требованиями и потому, не давая созреть своей мысли, не взглядевшись хорошенько в создаваемые лица, думает, что сделал свое дело, если успел сочинить несколько таких положений, которые способны растрогать читателя, а иного чувствительного даже и довести до слез» (М. 1851. № 4. С. 583).*

С. 66. *Для полноты обзора ~ остается сказать о повести г. Григоровича «Неудача». — Речь идет о повести Григоровича «Неудача» (ОЗ. 1850. № 9). Холодный отзыв о Григоровиче тем удивительнее,*

что в этом же номере «Москвитянина» помещен святочный рассказ Григоровича «Прохожий». Н. П. Барсуков приводит сведения о планировавшемся М. П. Погодиным в это же время издании собрания сочинений Григоровича (см.: Барсуков. Кн. XI. С. 421–422). А. В. Дружинин дал благожелательный отзыв на «Неудачи» (см.: С. 1850. № 10. Отд. VI. С. 203–204).

С. 66. Пишет же г. Григорович такие прекрасные вещи, как «Четыре времени года»... — Подробный обзор мнений членов «молодой редакции» см. в коммент. к статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 667).

С. 66. ...притом идиллическая форма так идет к воспроизведению нашего простонародного быта. — Ср. в обзоре № 1 «Современника» за 1851 г. Григорьева: «Мы раз уже высказали наше сочувствие к идиллическим изображениям нашего простонародного быта, чрезвычайно удающимся г. Григоровичу, и в настоящем случае, не боясь нисколько быть пристрастными, повторим то же самое. Г. Григорович одарен верным, художническим чувством, он старается подмечать тонкие черты явлений, он верит в то, что описывает, и любит создаваемые им лица» (М. 1851. № 5. С. 80).

С. 67. Все это происходит от точки зрения, с которой мы смотрим на произведения изящной литературы. — То есть с «художественной» точки зрения, на которую указано в упомянутом выше редакторском примечании к обзору «Современника» 1850 г. и которая предъявляет к литературному произведению более высокие требования, чем к беллетристике.

С. 67. ...критика Ф. Буслаева на «Мысли об истории русского языка» Срезневского. — Речь идет о статье Ф. И. Буслаева ««Мысли об истории русского языка». И. Срезневского. Санкт-Петербург. 1850» (ОЗ. 1850. № 10).

С. 67. Нельзя не обратить также внимания на статью о «Стихотворениях» Фета. — Речь идет о статье Григорьева «Стихотворения А. Фета. Москва. 1849» (ОЗ. 1850. № 2). Данные для атрибуции неподписанной апологетической статьи «Отечественных записок» Григорьеву содержатся в его письме к Ф. А. Кони от 19 апреля 1850 г. (см.: Григорьев. Письма. С. 40). В анонимной рецензии «Москвитянина» сборник Фета охарактеризован положительно, однако в ряде стихотворений отмечено сильное влияние предшественников, особенно Гейне: «Повторим вкратце: “антологические стихотворения” г. Фета везде хороши и даже очень хороши, так же хороши почти его “Снега” и “Тадания”; “элегии” его и некоторые “баллады” читаются с истинным наслаждением; наряду с последними стоят указанные нами в отделе “разных стихотворений”; но его подражанию восточному мы так же мало сочувствуем, как и подражаниям Гейне и другим, менее еще славным образцам, взятым из области литературы отечественной» (М. 1850. № 6. Отд. IV. С. 54). Рецензия обычно приписывается Л. А. Мею (см. коммент. Н. П. Генераловой, В. А. Кошелева и Г. В. Петровой: Фет А. А. Соч. и письма. СПб., 2002. <Т. 1:> Стихотворения и поэмы 1839–1863. С. 429–430). Характерно, что как раз антологические стихотворения оказываются предметом критики у Григорьева. Г. В. Зыкова предлагает считать эти статьи репликами в споре о Фете: Зыкова Г. В. Фет как яблоко раздора в «Москвитянине»: К вопросу о разногласиях в «молодой редакции» // Собрание сочинений: К шестидесятилетию Льва Иосифовича Соболева. М., 2006. С. 241–251. Здесь же подчеркивается, что фигура Фета далеко не однозначно оценивалась и внутри «молодой редакции».

С. 67. Б. Ордынского «Новые стихотворения Жуковского. Том 14, Одиссея — XIII и XIV песни». — Речь идет о статье Б. И. Ордынского «Новые стихотворения В. Жуковского. Том III. Одиссея. XIII–XXIV песни. Санкт-Петербург. 1849» (ОЗ. 1850. № 7).

С. 67. Нельзя не упомянуть также о разборе «Сочинений Княжнина»... — Речь идет о статье А. Д. Галахова «Сочинения Княжнина (Якова Борисовича). Две части. (Полное собрание сочинений русских авторов.) Издание Александра Смирдина. Санкт-Петербург. 1848» (ОЗ. 1850. № 4, 8, 12).

С. 67. ...эпитет «переимчивый», который Пушкин придал Княжнину... — «Переимчивым» назван Княжнин в «Евгении Онегине». «Переимчивый Княжнин. А. Пушкин (Евгений Онегин)» — эпиграф к первой статье Галахова (ОЗ. 1851 № 4. Отд. V. С. 29).

С. 68. ...разобран подробно и с большим знанием дела замечательный труд Мурчисона и других... — Речь идет о статье «Геологическое описание европейской России и хребта Уральского. На основании наблюдений, произведенных Родериком Импеем Мурчисоном, Эдуардом Вернейлем и графом Александром Кейзерлингом. Переведено с английского языка, с примечаниями и дополнениями, Корпуса горных инженеров полковником Александром Озерским. Две части. Санкт-Петербург. 1849» (ОЗ. 1850. № 5, 6).

С. 68. ...ясно видно из статьи г. профессора Щуровского, помещенной в «Москвитянине». — Рецензия Григория Ефимовича Щуровского (1803–1884) на книгу «Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского» (М. 1850. № 12, 13, 14, 16).

С. 68. Иногда здесь же появляются статьи и о московском театре, большую частью дельные... — Автором статей, о которых говорит Эдельсон, был Григорьев. В 1849–1851 гг. будущий критик «молодой редакции» поместил в «Отечественных записках» девять статей, под общим заголовком

«Заметки о московском театре» (список см. в том числе в: Статьи Аполлона Григорьева о театре и драматургии // *Григорьев. Театральная критика*. С. 376–381). Высокая оценка статей о московском театре, вероятно, объясняется и тем, что Эдельсон знал об авторстве Григорьева, с 1851 г. публиковавшегося исключительно в «Москвитянине».

С. 68. ...в полных переводах три капитальные произведения иностранной литературы... — См.: Диккенс Ч. Замогильные записки Пиквикского клуба, или Подробнейший и достоверный рапорт о странствиях, опасностях, путешествиях, приключениях и забавных действиях ученых членов-корреспондентов покойного клуба / Пер. с англ. И. И. Введенского // ОЗ. 1850. №№ 1–5, 7, 8, 11, 12 (начало публикации в 1849 г.); Теккерея В. Базар житейской суеты / Пер. с англ. И. И. Введенского // ОЗ. 1850. №№ 3–10; Бульвер-Литтон Э. Семейство Какстонов — ОЗ. 1850. Прил. к №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12. Последний роман (под названием «Семейство Какстон») в другом переводе печатался параллельно в «Москвитянине» (№№ 11–20).

С. 68. ...которые были, правда, переведены у нас и прежде, но в искаженном виде... — Первый перевод романа Диккенса (под заглавием «Записки бывшего Пиквикского клуба, или Обстоятельное и достоверное изображение странствований, путешествий, приключений, опасностей и потешных действий членов учрежденного при оном ученого комитета, составленное по подлинным их донесениям») был опубликован в 1840 г. в «Библиотеке для чтения» (№№ 6–8), известной неточностью своих переводов.